

ПРОЕКТ «КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА» И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОГО СБЛИЖЕНИЯ¹

В. А. Луков

Московский гуманитарный университет

Project «Construction of Man» and Youth Policy: The Limits of Permissible Approach

V. A. Lukov

Moscow University for the Humanities

В статье проект «конструирования человека» как действие, направленное на «улучшение» человеческой природы, рассматривается в связи с одним из базовых принципов государственной молодежной политики — созданием условий для самореализации молодежи. Показываются противоречивость этой связи и возникающие проблемы, а также возможные пути формирования позитивного результата курса на поддержку инновационности молодежи. *Ключевые слова:* молодежь, информационное общество, конструирование человека, биосоциология молодежи, молодежная политика, самореализация, инновационность, воспитание

The project «construction of man» as an act aimed at «improving» human nature, considered in connection with one of the basic principles of the state youth policy — the creation of conditions for self-realization of young people. Showing inconsistency this context and emerging issues, as well as possible ways of creating a positive outcome of the course to support innovative youth. *Key words:* youth, information society, human design youth biosociology, youth policy, self-realization, innovation, education.

К современным дискуссиям о конструировании человека «Вестник Международной академии наук (Русская секция)» обращался еще в 2006 г., когда в нем была опубликована статья члена-корреспондента РАН, академика Международной академии наук Б. Г. Юдина «Проблема конструирования человека», в которой эта проблема была представлена в особом ракурсе: осмысливались перспективы нетрадиционного качества медицины, которая в своей практике опиралась бы не на норму, а на проект. И норма, и проект в этом случае, как отмечает исследователь, характеризуют действия с человеческим индивидом, а это «задает специфический ценностный контекст обсуждения поставленной проблемы о конструировании человека» [1, с. 6]. Этот аспект представлен в целом ряде работ Б. Г. Юдина, П. Д. Тищенко и их коллег по Институту философии РАН [2—9], продолжающих исследовательские традиции, заложенные Институтом человека РАН и его первым директором академиком РАН И. Т. Фроловым.

Надо заметить, что И. Т. Фролов, формулируя концепцию перспектив человека (его известная книга так и называлась — «Перспективы человека» [10]), ставил проблему в такой плоскости, в которой эти

перспективы соотносились с разрешением глобальных проблем человечества, обострившихся к концу XX века и осознанных тогда интеллектуальной элитой мирового сообщества (доклады «Римскому клубу», модель «ядерной зимы» Н. Н. Моисеева, алармистские книги Э. Тоффлера и др.). И. Т. Фролов особо подчеркивал, что «глобальные проблемы не возникают где-то рядом с ранее существовавшими, а органично вытекают из них. И их решения в той или иной стране или регионе уже недостаточно, так как оно оказывается тесно связанным и с тем, как они решаются (или не решаются) в других странах или регионах, а также в мире в целом» [11, с. 348]. Вполне вероятно, что в проблеме конструирования человека сегодня начинают прорисовываться черты глобальной проблемы человечества середины XXI века, а может быть, и более близких по исторической дистанции времен.

Тот аспект, который мы разрабатываем в связи с проблемой конструирования человека, получил название «биосоциология молодежи» [12—17]. В научном обществе эта идея уже получила определенную поддержку [18—20]. О чем идет речь?

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект «Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии», №15-23-01008/14).

БИОСОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Под биосоциологией мы понимаем формирующуюся научную концепцию междисциплинарного характера и практику исследования сложных по природе явлений современной общественной жизни, исходящие из неразрывной связи биологического и социального компонентов в жизни человека и человеческих сообществ (социальных общностей) и имеющие своим предметом те стороны социальной жизни, которые и на макроуровне, и на микроуровне человеческих взаимодействий непосредственно вытекают из биологической природы человека [21]. При этом нас интересуют прежде всего те социальные изменения, которые с высокой степенью вероятности произойдут под влиянием накопления в новых поколениях критической массы биологических трансформаций (естественных и искусственных) и связанных с ними или идущих с ними параллельно процессов изменений в интеллекте новых поколений и социокультурных свойствах конструируемых ими жизненных миров. Вот почему мы сразу обратились к такому сегменту данной концепции и практики, как биосоциология молодежи: уже сегодня социальное конструирование реальности предполагает новые возможности продления человеческой жизни и идущее следом переопределение социальных ролей в аспекте динамики поколений. Осмысление этой ситуации показало нам, что изучаемые биосоциологией явления и процессы проступают более явно среди молодежи, чем в других возрастных группах, а также то, что такие явления и процессы в молодежной среде оказывают более существенное влияние на общесоциальные явления и процессы, чем те, которые связаны с другими возрастными группами. Этим определяется необходимость концептуализации биосоциологии молодежи как автономного сегмента биосоциологии.

Концептуальная модель биосоциологии молодежи исходит из утверждения, что в такой социальной группе, как молодежь (на индивидуальном уровне это соответствует периоду молодости), еще может быть обнаружена та сторона человеческой природы, которая не подверглась обработке культурой. Дети в этом отношении не составляют такую группу, поскольку выступают преимущественно как объект социализации, их социальная субъектность еще слишком слабо выражена и ограничена небольшим диапазоном социальных практик. Молодежь, освоив социализационные коды первого уровня, еще находится в стадии самоопределения и выстраивания тезаурусов как ориентационных знаниевых систем [22], но это строительство уже идет на фоне сокращающихся возможностей для социального контроля со стороны родительской семьи, системы образования и ряда других формальных социальных институтов и усиления роли в выстраивании социальных траекторий институтов неформальных (дружба, любовь, реег-групп и др.). Сочетание этих двух обстоя-

тельств делает молодежь уникальным объектом для формирования концепции биосоциологии.

Специфику освоения молодежью жизненного пространства в рамках биосоциологии молодежи мы характеризуем как сочетание присущих молодежи атрибутивных свойств «дикости» и «инновационности». Такое сочетание продуктивно для развития общества как целого на этапе становления информационного общества, что заставляет более пристально присмотреться к стилям жизни, социальным и культурным практикам, укрепляющимся в молодежной среде.

Когда мы употребляем концепт «дикость» в контексте биосоциологии молодежи, то не имеем в виду усвоившееся в антропологии понимание соответствующего термина как начального этапа человеческой истории, который завершился с появлением гончарства и был сменен варварством, как это было обозначено в трудах Л. Г. Моргана. В этой связи заметим, что в тезаурусной теории проводится разница между понятием и концептом и концепты трактуются как выражаемое в знаке сращение смысла и чувственного восприятия, внутреннего образа. Так понимаемые концепты представляют собой в некотором смысле предпонятия [23, с. 23]. Соответственно, когда мы используем слово «дикость» в качестве концепта, то опираемся на бытование его в живой речи для обозначения того, что осталось в своем первоначальном, природном виде, не обработано культурой.

В молодежной среде «дикость» реализуется в социальных практиках, связанных с:

- культом тела и экспериментированием с телом;
- образованием банд как форм «коллективного прорыва»;
- иерархией по схеме вождизма: действием символической власти/подчинения;
- агрессивностью как способом энергетической компенсации недостающих для взаимодействия ресурсов.

Далеко не во всех случаях активных изменений природных свойств человека, происходящих в молодежной среде, следует видеть проявления свойства «дикости» молодежи. Характерен в этом отношении такой факт, на который обратил внимание в экспертном опросе, проведенном нами по проблематике биосоциологии молодежи, Г. Ю. Канарш: существенным фактором трансформации тела становятся регулируемые вовсе не на уровне молодежного слоя тех или иных социокультурных ареалов обстоятельства, такие как перемены в питании. Это, например, касается региона Восточной Азии (в частности, современного Китая), где имеет место увеличение в потребляемом рационе белковой пищи: «В результате в ряде случаев меняется традиционный облик молодого китайца: на место привычного образа низкорослого молодого человека приходит образ достаточно высокого, хорошо сложенного юноши (молодого мужчины), вполне сопоставимого по своим конституциональным характеристикам с европейцами

и американцами. Однако трудно сказать, насколько сильной и устойчивой окажется данная тенденция (связанная с мощным экономическим подъемом Китая), и не столько по причинам социально-экономического характера (по прогнозам, подъем Китая будет продолжаться в ближайшие десятилетия), сколько по причинам именно конституционально-генетическим (устойчивость выработанных веками и тысячелетиями приспособительных механизмов, включая определенные формы телесности). Если же допустить, что данная тенденция будет становиться все более определяющей, то за изменениями в особенностях телосложения могут последовать изменения психической (психофизиологической, неврологической, психомоторной) сферы, которые, в свою очередь, способны повлечь за собой серьезные трансформации в способах организации социальной жизни» [24, с. 148].

«Инновационность» как способность создавать новое (в широком смысле слова, включая и новую картину мира) вытекает из естественного положения молодежи в окружающем ее мире, а именно из того, что для нее нет возможности опереться на собственный жизненный опыт, которого еще недостаточно, и на коллективный опыт народа (культуру), который еще не освоен. Для молодежи в известном смысле все ново, все мотивирует к инновации. «Инновационность» в молодежной среде соотносится с такими свойствами, как:

- ум;
- свобода от условностей;
- креативность;
- жажда сильных ощущений и интерес к приключениям (экстрим);
- приоритет сетевых отношений над иерархическими.

Эти свойства приобретают знаковый характер, и можно сказать, что «инновационность» становится символическим капиталом молодежи.

«Дикость» молодежи означает ее генетическую связь с биологическим родом, с природным и социокультурным прошлым. «Инновационность» несет в себе энергетический выброс в будущее, содержит потенцию освобождения от рода.

Обращаясь к изучению разнообразных социальных практик, освоенных молодежью, мы можем заметить, как они начинают проникать в институционализированное общество в более «цивилизованных» формах, когда черты «дикости» закамouflированы. Таковы, например, практики, получившие название «моббинг» (от англ. mob — толпа). Эта форма психологического насилия, состоящая в травле нежелательного сотрудника в коллективе с тем, чтобы принудить его к увольнению, очень давно известна как социальная практика в школьной жизни [25]. При этом в школе моббинг выступает в неприкрытой форме, позволяющей выявить основные тактики действий и способы исключения жертвы из социальных связей, принятых для «своих».

Энергия молодости в обществе, где ослаблена социальная иерархия, может перетечь в сетевые ресурсы коммуникации, где существенны свои иерархии, закрепляющие авторитет неформальных лидеров, опирающихся, среди прочего, на анонимность в информационных сетях, усиливающую безответственность лидеров в принятии тех или иных решений, высказывании оценочных суждений, а в конечном счете — навязывании определенных ценностных ориентаций и подержании готовности к действиям.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА

Проект «конструирования человека», каким он складывается в рамках интеллектуального движения, получившего название «трансгуманизм» и активно обсуждаемого сегодня в философском и социологическом научных сообществах, обходит стороной отмеченное сочетание в молодых поколениях свойств «дикости» и «инновационности». «Инновационность», конечно, замечается, более того, на нее делается ставка в общих концепциях социального и культурного развития человечества. Но она видится преимущественно в облики прогресса, научно-технического прежде всего. Есть и представление об особой роли молодежи в развитии социальных форм жизни, и участие молодежи в функционировании институтов гражданского общества рассматривается как одно из ведущих направлений молодежной политики [26]. Но то, что «инновационность» молодежи может закреплять ее свойства «дикости», остается вне поля зрения в стратегиях молодежной политики как государства, так и структур гражданского общества.

Это и составляет проблему рассмотрения в одной связке проекта «конструирования человека» и концептуальных оснований молодежной политики. Результатом такого рассмотрения и должно быть установление границ сближения такого проекта и такой политики.

Для этого важно установить, в чем же суть проекта «конструирования человека», во-первых, в аспекте его приложимости к групповому социальному субъекту и, во-вторых, в аспекте его управляемости.

В первом аспекте есть основания отмечать, что проект «конструирования человека» ориентирован на индивидуальный уровень осуществления. На бытовом уровне типичными становятся действия родителей по выбору пола будущего ребенка с учетом возможностей современной диагностики. На такой выбор активно влияет социокультурная норма. Типичными уже можно считать действия определенной части состоятельных родителей по воздействию на умственные способности своего ребенка при помощи особого режима и состава питания, применения методов психофизиологического воздействия для повышения скорости и эффективности восприятия, обработки и усвоения различной информации,

обращения к особым лекарственным средствам, техникам НЛП и т. д. Эти действия каждое в отдельности во все не предполагает изменений в человеческой популяции и даже напротив — имеют целью сделать своего ребенка особо выдающимся, особо успешным, противопоставить его обычным детям обычных родителей. Но нельзя не видеть, что индивидуальные эксперименты, затрагивающие природу человека как биосоциального существа, открывают дорогу к изменениям человеческих общностей и новым направлениям социального конструирования реальности, включающего ментальную деятельность и социокультурное проектирование (своего рода опредмеченную мысль), особенно тесно связанные с инновационным потенциалом молодежи.

Не менее значимы в социальном плане становящиеся фрагменты информационного общества, в которых молодежь активно трансформирует коммуникативные практики, получая автономию в социальных сетях и известную свободу от традиционных форм социального контроля. Но неизбежными становятся риски: открывая широкую дорогу «дикости» и «инновационности» молодежи, черпая из этих свойств молодых поколений ресурс своего развития, информационное общество оказывается незащищенным от новых болезней, которые по части есть модификация болезней старых, не раз приводивших процветающие цивилизации к упадку и полному исчезновению. Из этого следует, в частности, то, что биосоциологический взгляд на новые ресурсы развития молодежи не может не соединяться с биоэтическим пониманием границ вмешательства человека в свою природу и природу общества.

Может ли этот процесс социальных изменений, происходящих под влиянием новых возможностей «конструирования человека» или пока только ожидаемых, стать подконтрольным для общества и управляемым им? Этот аспект проекта «конструирования человека» наиболее значим в преддверии стихийного превращения отдельных экспериментов на индивидуальном уровне в более или менее устойчивые социальные практики.

Здесь и есть место для установления границы допустимого сближения проекта «конструирования человека» и молодежной политики.

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ЦЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Целевая установка государственной молодежной политики (ГМП) в РФ, воспроизводящая в своем содержании позицию, выработанную в период подготовки и принятия Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» (принят в 1991 г.), никак не ориентировалась на проект «конструирования человека» в его биосоциальных характеристиках. Сопоставляя на концептуальном уровне данный проект и ГМП, мы обнаруживаем за приме-

ненными в нормативных правовых актах формулами дополнительные смыслы, требующие прежде всего не юридической, а социально-философской и социологической интерпретации.

Итак, формула цели ГМП в упомянутом Законе СССР имела следующий вид: «...создание социально-экономических, организационных и правовых условий и гарантий для социального становления и развития молодых граждан, их наиболее полной самореализации в интересах всего общества» [27, с. 529]. В нормативных правовых актах постсоветской России эта формула фактически воспроизведена. Так, в Федеральном законе «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ она включена в определение базового для этого акта законодательства правового понятия: «Под государственной поддержкой молодежных и детских объединений понимается совокупность мер, принимаемых органами государственной власти Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации в области государственной молодежной политики в целях создания и обеспечения правовых, экономических и организационных условий, гарантий и стимулов деятельности таких объединений, направленной на социальное становление, развитие и самореализацию детей и молодежи в общественной жизни, а также в целях охраны и защиты их прав» [28, Электронный ресурс].

В новейшем документе «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», который был утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р (этим актом также отменено распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р, которым была утверждена Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации — основной концептуальный документ в сфере ГМП предыдущих восьми лет; в нем тоже фиксировалась целевая установка на самореализацию молодежи), формула ГМП расширена, и государственная молодежная политика определяется как «направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене» [29, Электронный ресурс].

Ключевое слово в этих формулах — «самореализация». Как она понимается? В научной литерату-

ре это понятие трактуется преимущественно в психолого-педагогическом аспекте. Достаточно часто воспроизводится схема иерархии человеческих потребностей, введенная А. Маслоу [30], где самореализация (а точнее — самоактуализация) личности находится на самой вершине пирамиды потребностей и достижима лишь тогда, когда удовлетворены потребности, находящиеся на предыдущих ступенях этой пирамиды. Психологи А. А. Деркач и Э. В. Сайко рассматривают самореализацию в составе двух постоянно воспроизводимых и взаимообусловленных в своем процессуальном осуществлении сторон онтогенеза (наряду с саморазвитием) и показывают их значение для развития человека, его субъектности. Соответственно, самореализация рассматривается как базовое основание акмеологического развития, самоосуществления человека [31].

Это продуктивные трактовки, но в них есть та же двойственность, какая присуща понятию «элита» в классической теории элит Вильфредо Парето. Напомним, что Парето называл элитой «класс тех, кто имеет наиболее высокие индексы в своей сфере деятельности» [32, с. 61]. Следовательно, и в любых девиантных и даже делинквентных проявлениях человеческой активности будет своя элита. Именно так понимал это ее свойство Парето. Когда мы говорим о самоосуществлении человека, реализации им своих способностей, талантов, то должны учитывать и феномен «криминального таланта» (как он был обозначен в известном телефильме С. С. Ашкенази по повести С. В. Родионова, 1988, а также и в других фильмах с тем же названием).

В теоретическом плане ограничение сферы проявления самореализации личности интересами общества (как в приведенной формуле Закона СССР — «наиболее полной самореализации в интересах всего общества») не снимает этого парадокса, поскольку опирается на слишком общее понятие общества, имеющее разные трактовки. Характерно, что еще в социологической теории Эмиля Дюркгейма однозначно утверждалось: нормальны все отправления социального организма, которые вытекают из условий его существования, т. е. нормальны и преступления и другие социальные болезни, так как они коренятся в общественных условиях. В конечном счете нормальны факты, обладающие признаком всеобщности, другие следует признать патологией. В этом случае, например, вполне логично и то, что «самоубийство входит составным элементом в нормальный строй как европейского, так, вероятно, и всякого другого общества» [33, с. 43].

С учетом этого кардинальная идея ГМП о самореализации молодежи оказывается состоятельной только при условии специальных комментариев, постановки ее в определенные контексты, которые также требуют комментариев и оговорок. Почему же такие комментарии не обнаруживаются в принятых базовых концепциях ГМП — как в значимом для этого направления государственной деятельности документе

1993 г. («Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации»), упомянутой Стратегии 2006 г., так и в новейшем документе «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года»? Можно считать это недосмотром, можно — установившейся жанровой спецификой текстов документов такого рода и необходимостью следовать образцам, можно — приверженностью устоявшимся в прошлые десятилетия представлениям о молодежи, ее проблемах и путях их решения (в том числе принятому в советский период в политической риторике обобщению «вся советская молодежь»), но, по всей видимости, дело здесь не только в форме документа.

Проблема, замечаемая на уровне текста, отражает фундаментальное противоречие между неконтролируемыми в имеющихся институциональных формах государственной и общественной деятельности процессами в обществе, с одной стороны, и ограниченными возможностями государства и структур гражданского общества контролировать такие процессы, поддерживать те из них, которые признаются позитивными, и блокируя те, что считаются негативными, — с другой. Это вовсе не проблема только наших дней и только нашего государственного устройства. Можно сказать, это базовая проблема социального управления для любого общества, достигшего определенного уровня развития. Но в переживаемый нами переходный период она приобретает особые черты. В чем они проявляются?

1. Внешний контроль за мыслью и действием не принадлежит какой-то одной силе (политической партии, органу государственной власти, экономическому классу и т. п.). Манипулятивные практики разных сил, в том числе и составляющими в обществе меньшинство, сопоставимы по своей результативности и способны вызывать социальные потрясения большого масштаба, сделать общество неуправляемым для легитимной власти.

2. Внутренний контроль индивида за своей мыслью и порождаемым ею действием ослаблен социальной аномией. В обществе, характеризующемся глобализацией и новыми возможностями коммуникаций, такая аномия опирается на присущие современному миру фрагментарность, слабую регуляцию выбора поведения традицией, скорость общественных перемен.

3. Действия спонтанные, непродуманные, легкомысленные содержат потенциал социальных изменений, фактически такой же, как действия целенаправленные, спланированные, осмысленные.

В обществе, идущем к стадии развития, обозначаемой как «информационное общество», эти особые черты приобретают гораздо большее значение, чем на предыдущих этапах, когда они проявлялись как тенденции, но возможность справиться с ними позволяла не обращать на них особого внимания. На фоне новых обстоятельств, с которыми мир столкнулся в самое последнее время, не видеть значимости этих тенденций

уже недопустимо при планировании мер в области молодежной политики как деятельности комплексной, системной.

В этой связи стоит учитывать, что комплексность общественных объектов и социальных процессов сегодня справедливо видеть не в том, что их следует комплексно изучать, а в том, что их эмерджентные свойства (те, которые приобретаются только в рамках соответствующей системы, а не являются свойствами элементов этой системы) обнаруживаются не там, где их ищут в простых системах. Дж. Урри, например, говоря о нестабильности комплексных систем, обозначает следующие их особенности: (а) события и элементы влияют друг на друга; (б) малые причины порождают большие следствия; (в) в период трансформации систем изменения могут быть катастрофическими [34]. На этом фоне совершенно новые обстоятельства могут возникнуть по мере того, как будет осуществляться проект «конструирования человека» в ближайшей перспективе. Если считаться с тем, что и в малых масштабах он может породить значимые для общества следствия, то и молодежная политика, рассчитанная на 10 лет осуществления (до 2025 г.), вынуждена хотя бы в самой общей форме предполагать такой сценарий.

Означает ли это, что ГМП в своей стратегии должна исходить из предположений о «детях-индиго», новом поколении суперинтеллектуалов, которые могут ставить цели покорения мира, из осуществимости проекта «постчеловека» и т. п.? В действительности границы воздействия государства на общество с целью недопущения экспериментов с человеческой природой достаточно узки. Правовыми мерами можно регулировать определенные стороны биомедицинских исследований, но не все. Огромную регулирующую роль может играть здесь биоэтика, но ее принципы разделяют далеко не все экспериментаторы, в том числе основываясь на встречной идее самореализации своего творческого потенциала.

Как же быть в таком случае с самореализацией молодежи как целью молодежной политики? Сохранение этой цели возможно, если контроль за направленностью такой самореализации становится задачей самого носителя этого свойства, т. е. связывается с самоконтролем. В таком случае резко возрастает роль воспитания во всей системе ГМП как средства закрепления в тезаурусах молодежи нормативного образа добра и зла, того, что полезно для общества, и того, что вредно для него. Надо отметить, что в последнем из принятых федеральных документов в сфере ГМП —

«Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» — тема воспитания звучит постоянно, хотя и в достаточно общей и иногда невнятной форме. Это — важное нововведение в молодежную политику государства: еще не так давно тема воспитания буквально вычеркивалась из задач системы образования, из государственной деятельности в целом, объявлялась устаревшим наследием советского прошлого. Еще предстоит понять, как в новых условиях, где у государства нет в подчинении всех ресурсов воспитательного воздействия и где имеющиеся ресурсы в своем развитии решительно отстают от новых требований формирующегося информационного общества, достигать эффекта, когда спонтанные жизненные импульсы в гораздо большей мере питают «дикость» и «инновационность» молодежи.

ВЫВОДЫ

Ориентация государственной молодежной политики на всемерную поддержку и развитие инновационного потенциала молодежи обладает теми же чертами, что и проект «конструирования человека», направленный на «улучшение» человеческой природы: и то и другое исходит из лучших побуждений, и то и другое не учитывает, что направленность изменений, предполагаемых инновациями и конструированием, не обязательно будет положительной для общества в целом и молодого поколения в частности.

Природное свойство «инновационности», присущее молодежи, важно видеть в сочетании с таким же природным ее свойством «дикости» (в смысле недостаточной обработанности культурой). В становящемся информационном обществе это сочетание дает новые социальные эффекты, которые пока не осмыслены в концепциях молодежной политики и «конструирования человека».

Возможные пути формирования позитивного результата при осуществлении курса на поддержку инновационности молодежи в определенной мере целесообразно связывать с усилением воспитательного воздействия на детей и молодежь с тем, чтобы контроль за направленностью самореализации молодежи основывался на самоконтроле, формируемом в молодом поколении в соответствии с идеологией общественного развития. Очевидно, что цели развития общества должны в таком случае быть известны обществу и одобрены его значительной частью, составлять общественную ценность.

Литература

1. Юдин Б.Г. Проблема конструирования человека // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2006; 1: 6—10.
2. Юдин Б.Г. Медицина и конструирование человека // Знание. Понимание. Умение. 2008; 1: 12—20.
3. Юдин Б.Г. Прогресс биотехнологий и концепции постчеловеческого будущего // Человек перед лицом новейших биомедицинских технологий. — М., 2011: 74—86.

4. Юдин Б.Г. Технологические воздействия на человека как проблема гуманитарного знания // Горизонты гуманитарного знания. М., 2011: 15—40.
5. Юдин Б.Г. Философско-методологические аспекты биомедицинских исследований // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 14: Трансдисциплинарность, нанотехнологии и инноватика: сб. науч. трудов / под ред. П. Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012: 31—39.
6. Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 13: Человек — NBIC машина: исследование метафизических оснований инновационных антропотехнических проектов: сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. 120 с.

7. Тищенко П.Д. Биотехнологии и проблема человеческого в человеке // Человек. Наука. Гуманизм: К 80-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова. М.: Наука, 2009: 56—68.
8. Тищенко П.Д. Био-технологическая ре-де-конструкция человеческого в человеке (казус сексуальности) // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 3 / ИФ РАН М., 2009: 112—139.
9. Гуманитарные ориентиры научного познания: К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина / отв. ред. П.Д. Тищенко; Ин-т философии РАН. М.: Изд. дом «Навигатор», 2014. 352 с.
10. Фролов И.Т. Перспективы человека: Опыт комплекс. постановки проблемы, дискуссии, обобщения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1983. 350 с.
11. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет. — М.: Политиздат, 1989. 559 с.
12. Луков В.А. Биосоциология молодежи: экспертные оценки изменений в обществе, связанных с увеличением продолжительности жизни // Знание. Понимание. Умение. 2012; 4: 77—83.
13. Луков В.А. Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания: науч. монография [Электронный ресурс]. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. — 430 с. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2013/monographs/Lukov_Biosociology-of-Youth.pdf
14. Луков В.А. О проектировании заданных телесных и интеллектуальных свойств человека // Знание. Понимание. Умение. 2013; 1: 219—224.
15. Луков В. А. Развитие человека в свете биосоциологии // Знание. Понимание. Умение. 2013; 4: 25—33.
16. Луков В.А. Биосоциология как теоретическая концепция // Гуманитарные ориентиры научного познания / отв. ред. П.Д. Тищенко; Ин-т философии РАН. М.: Изд. дом «Навигатор», 2014. 352 с.
17. Луков В.А. Биосоциология: ресурс понимания молодого поколения России // Стратегические приоритеты. 2015; 1(5): 72—83.
18. Выборнова В.В. О новых подходах к тезаурусным исследованиям молодежных проблем [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 1 (январь — февраль). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Vybornova_Thesaurus-Investigations/ [архивировано в WebCite] (дата обращения: 04.06.2015).
19. Колин К.К. Биосоциология молодежи и проблема интеллектуальной безопасности в информационном обществе // Знание. Понимание. Умение. 2012; 3: 156—162.
20. Туринцева Е.А., Решетникова Е.В. Биосоциальные функции молодежи и их трансформация в условиях городского образа жизни в контексте социальной реабилитации // Знание. Понимание. Умение. 2015; 1: 134—143. DOI: 10.17805/zpu.2015.1.12
21. Луков В.А. Биосоциология // Знание. Понимание. Умение. 2011; 3: 319—323.
22. Луков В.А., Луков В.А. Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2013. 640 с.
23. Луков В.А., Луков В.А. Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания // Знание. Понимание. Умение. 2014; 1: 18—35.
24. Луков В.А. Биосоциология молодежи: экспертные оценки изменений в новых поколениях // Знание. Понимание. Умение. 2012; 3: —156.
25. Duffy M., Sperry L. Mobbing: Causes, Consequences, and Solutions. — Published to Oxford Scholarship Online, May 2012.
26. Васильева Н.В., Кочнев С.В. Участие молодежи в принятии общественно значимых решений. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. 147 с.
27. Закон о молодежи: Документы и материалы по истории становления государственной молодежной политики в России: в 2 т. / сост. и авт. вступ. ст. И.М. Ильинский, В.А. Луков. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. Т. 1. 543 с.
28. Федеральный закон от 28 июня 1995 г. N 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/103544/#ixzz3cldynSe8> (дата обращения: 04.06.2015).
29. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. N 2403-р [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (дата обращения: 04.06.2015).
30. Маслоу А.Г. Мотивация и личность: пер. с англ. СПб: Евразия, 1999. 479 с.
31. Деркач А.А., Сайко Э.В. Самореализация — основание акмеологического развития. — М.: МПСИ, МОДЭК, 2010. 224 с.
32. Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2 / отв. ред. Т.А. Алексеева. М., 1997: 59—67.
33. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социол. этюд; пер. с фр. / изд. подгот. В. А. Луков. СПб.: Союз, 1998. 496 с.
34. Urry J. The complexities of the global // Theory, culture and society. 2005. Vol. 22, N 5. P. 235—254.

Сведения об авторе:

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, вице-президент Русской секции Международной академии наук (Здоровье и Экология)
E-mail: v-lukov@list.ru